

ТРЕСНУЛ СУЧОК. Я ВСКИНУЛА

голову, оглядела деревья вокруг. Я провела на поверхности не больше минуты, но им этого хватило — они меня почували. Я развернулась на пятках и во весь дух помчалась ко входу в бункер. Земля под ногами задрожала. Я усилием воли сдержала панику. Бояться буду потом, когда окажусь в туннеле, под защитой полуметрового слоя бетона над головой.

Первого я заметила краем глаза в тот миг, когда он выскочил из-за деревьев. Темно-красная чешуя мерцала в рассветных лучах, непроницаемо-черные глаза были прикованы ко мне.

До входа оставалось меньше двадцати метров. Сердце колотилось так, словно хотело выскочить из горла. Дейноних нагонял.

ПЯТНАДЦАТЬ МЕТРОВ.

ДЕСЯТЬ.

ПЯТЬ.

ДВА.

**ВТОРАЯ КНИГА ЛОРЫ МАРТИН:
НА ГРАНИ ВЫМИРАНИЯ # 2:
КОД «ПОТОП»**

НА ГРАНИ ВЫМИРАНИЯ

#1. ПРОЕКТ «КОВЧЕГ»

ЛОРА МАРТИН

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7СОЕ)-44
М29

Перевод с английского — Ирина Ющенко
Edge of Extinction #1. The Ark Plan
Laura Martin
Harper, an imprint of HarperCollinsPublishers, New York,
2016

Мартин Л.

М29 На грани вымирания #1. Проект «Ковчег» / Лора Мартин
[Пер. с англ. И.Ющенко]. — М.: Карьера Пресс, 2018. — 352 с.
ISBN 978-5-00074-197-9

Мы сбежали из подземного бункера, где провели всю жизнь. И нас почти сразу чуть не слопал динозавр, мы еле унесли ноги. Но здесь, на земле, оказывается можно дышать. И здесь даже живут люди! Как же так? Мы 12 лет слышим, что наверху нет жизни, там страшные вирусы и динозавры. Потому что вот уже сто лет, как ученые вывели динозавров (не в книжке, а на самом деле!) и выжившие люди могут уцелеть только под землей.

А все началось с того, что вчера я нашла записку от папы, который пропал пять лет назад, карту и компас, и папа пишет, что я должна добраться до одного тайного места. И я решила. Разве папа стал бы просить меня о невозможном? Я отправилась, и Шон со мной.

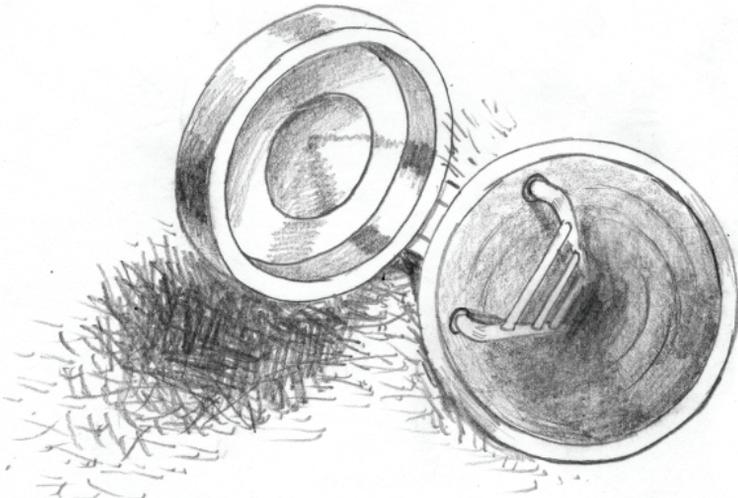
Сердце уходит в пятки. Мысли путаются. Впереди — динозавры, сзади — погоня. Как мы выживем? Но я найду папу!

ISBN 978-5-00074-197-9

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7СОЕ)-44

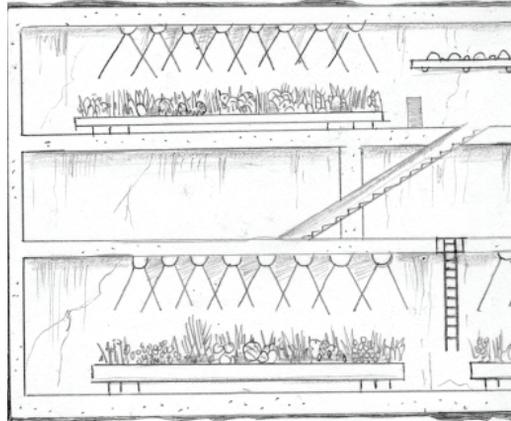
Copyright © 2016 by Laura Martin
© 2018, «Карьера Пресс», перевод и издание на
русском языке
This edition published by arrangement with Writers
House LLC and Synopsis Literary Agency
All right reserved

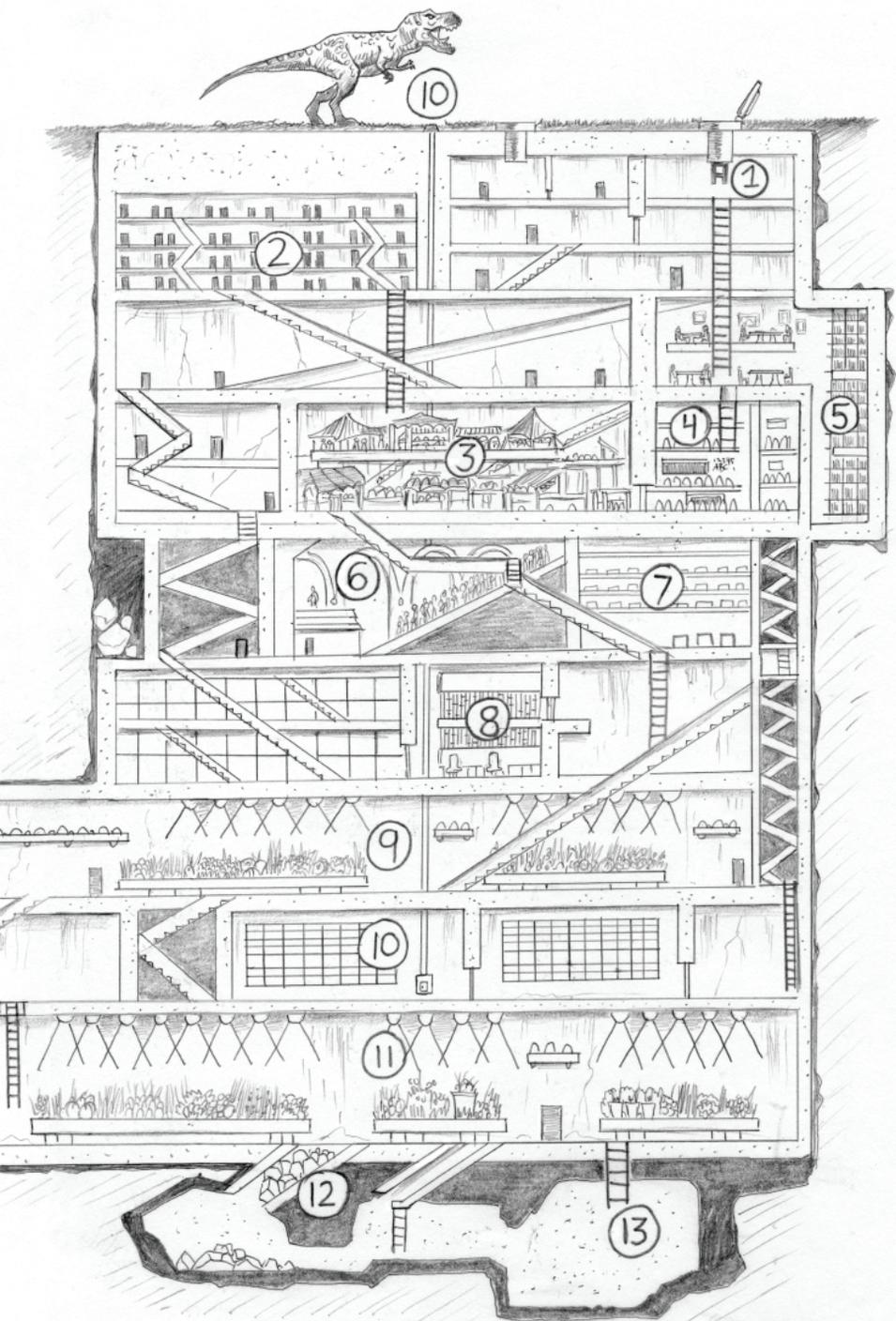
**Всем тем детям,
которые не выпускают книгу из рук.
Больше всего на свете я люблю
таких мечтателей, как вы**

Северный дункер

1. Главный вход
2. Жилой сектор
3. Рынок
4. Школа
5. Библиотека
6. Зал собраний
7. Казармы
8. Деловая часть и хранилища
9. Сельхозблок 1
10. Люк для почты и отсек приема/отправки грузов
11. Сельхозблок 2
12. Заваленный туннель
13. Поднадзорный сектор

Две минуты, всего две минуты. Больше мне не нужно. Двух минут как раз хватит, чтобы добежать до почтового люка и обратно, но время придется рассчитать очень точно. Сегодня я умирать не собиралась, как, впрочем, и в предыдущие десять вылазок. Правда, я думала, что после первого раза станет проще, но ошибалась.

Сжав зубы, я вновь уставилась в экран головизора. До прибытия почты оставалось меньше минуты. Лес выглядел безопасным, но я-то знала, что надо быть настороже. Слишком уж безмолвные тени залегали за деревьями, слишком уж бдительно следили они за происходящим. Я резко нажала кнопку «Обновить». Правило простое: обнови экран, минуту внимательно смотри, снова обнови и осмотри проти-

воположную часть. Должно быть, примерно так родители когда-то учили детей переходить улицу... когда на свете еще были улицы, которые можно перейти, и машины, которые по этим улицам ездили.

Из динамиков головизора послышался низкий гул — приближался самолет. Я посмотрела на часы. 6:59 утра. Точно по расписанию. На экране появился маленький черный самолетик, накатила головокружительная смесь возбуждения и ужаса. Самолет снизился и пошел над самыми верхушками деревьев, которые полегли и заметались под напором воздушной струи. Я нетерпеливо приподнялась-опустилась на кончиках пальцев, покрутила головой туда-сюда, разминая шею, и проговорила про себя все, что нужно. «Сообрай быстро, будь начеку, беги со всех ног», — приказала я себе. Каждая секунда будет на вес золота. В днище самолета открылся небольшой люк, и на почтовую площадку плюхнулся с тридцатиметровой высоты огромный тюк. Самолет быстро набрал высоту и понесся над верхушками деревьев к противоположному концу бункера, где его ждала наша почта.

В последний раз бросив взгляд на экран и убедившись, что вокруг чисто, я взлетела по лестнице, откинула толстую железную крышку люка, который служил входом в наш бункер, и выскочила наружу. И словно попала в параллельный мир. Вместо тишины туннеля — громкое, почти оглушительное жужжание насекомых. Я побежала. Ноги глубоко уходили в мягкую землю, влажный воздух тяжело врывается в легкие. Я чувствовала себя живой. И очень уязвимой.

Площадка, куда сбрасывали почту, располагалась в сотне метров слева. Я добежала как раз в тот миг, когда начала закрываться крышка. Почтовые площадки были созданы еще в те годы, когда наши отцы-основатели полагали, что люди смогут хотя бы часть жизни проводить наверху. Они ошибались. Больше пятидесяти лет назад площадки переделали, снабдив механизмами сброса, чтобы никому не приходилось с риском для жизни выбираться наверх. Но между приземлением груза и его отправкой туда, где почту разберут и осмотрят, проходило тридцать секунд. А мне больше и не нужно.

В тюке оказалось штук сорок посылок и писем. Я лихорадочно принялась перекапывать их в поисках официального штампа морпехов. Дыхание замерло у меня в горле — вот он, большой пакет с золотым ковчегом и черным кругом на боку. Есть! Я схватила пакет за края и рванула, разорвав пополам, — надеюсь, морпехи решат, что он пострадал от падения с самолета. В пакете обнаружилась куча форменных курток и штанов, уставные серые носки и батареи для портскринов. Я уже было расстроилась, решив, что зря все затеяла, но тут на глаза мне попался небольшой черный ящик. Я схватила его, и сердце у меня замерло в надежде.

Через эти черные ящички шел обмен сообщениями между бункерами. Прорезиненный чехольчик был размером примерно с колоду карт и скрывал разъемы для вывода данных, оберегая их от ударов при падении. Время поджимало, но я вытащила из кармана сканирующее устройство с

разъемом и воткнула разъем в бок ящичка. Может быть, на этот раз повезет.

Чтобы скачать все содержимое ящичка, у меня ушло секунд пять. Я выдернула разъем, вытерла ящичек о серый рукав, чтобы не осталось отпечатков пальцев, и сунула обратно в приоткрытый чехол. В сообществе, где любой ресурс может означать разницу между жизнью и смертью, воровства не потерпят. Впрочем, возразила я сама себе, я ведь не украла информацию. Я ее просто скопировала. Но если морпехи хотя бы заподозрят, что в информационном блоке кто-то покопался, начнется расследование. Я дважды осмотрела тюк, чтобы убедиться, что не оставила следов вмешательства. Второй осмотр чуть не стоил мне обеих рук, однако я успела выдернуть их за мгновение до того, как стальная крышка, щелкнув, стала на место. Через секунду посылки посыпались вниз, на третий подземный этаж, где располагалась почта.

Треснул сучок, я вскинула голову, оглядела деревья вокруг. Безумная надежда, которая еще несколько мгновений назад пела у меня в груди, сменилась привычным холодным комком страха. Я провела на поверхности не больше минуты, но им этого хватило — они меня почуяли. Слишком долго я здесь проторчала. Нельзя было во второй раз проверять посылки. Это была глупая ошибка, а глупые ошибки означают смерть.

Я развернулась на пятках и во весь дух помчалась ко входу в бункер. Когда до спасения оставалось меньше пятидесяти метров, я уловила какое-то движение слева. Земля под

ногами задрожала. Я усилием воли сдержала панику. Бояться буду потом, когда окажусь в туннеле, под защитой полуметрового слоя бетона над головой.

Первого я заметила краем глаза в тот миг, когда он выскочил из-за деревьев. Темно-красная чешуя мерцала в рассветных лучах, непроницаемо-черные глаза были прикованы ко мне. В нем было метра три, и двигался он быстро, стремительно, как атакующая змея.

В животе у меня заняло. Я узнала эту заостренную, похожую на наконечник стрелы голову, мощные задние лапы и крупный задний коготь. Это был дейноних. Они охотятся стаями. Почти сразу же я услышала пронзительный вопль слева, но смотреть туда не стала. Нельзя было терять ни секунды. До входа оставалось меньше двадцати метров. Сердце колотилось так, словно хотело выскочить из горла. Дейноних нагонял.

Пятнадцать метров.

Десять.

Пять.

Два.

Словно достигший базы бейсболист, я ловко нырнула в люк, отработанным движением захлопнула его за собой на лету и лишь после этого рухнула вниз, туда, где в паре метров виднелся пол коридора. Всего через пару секунд — страшно подумать, как близко они подобрались! — по металлической крышке заскрежетали когти динозавра. Еще один удар сердца, и вот к нему присоединились товарищи по охоте и дружно попытались выцарапать меня из норы.

Повезло мне, что я так быстро бегаю, — а впрочем, кто не умеет быстро бегать, наверху долго не живет.

Наклонившись над маленьким экраном головизора на стене, я вбила анонимный пользовательский код, который показал мне мой лучший друг Шон, когда мне было семь. Прошло уже почти пять лет, а код до сих пор работает. Экран библикнул и издал веселую трель, такую непохожую на хруст, скрежет и пронзительные крики, которые доносились сверху, с высоты в полтора метра.

Еще минут десять чудища пытались пробиться сквозь укрепленный бетоном вход, а потом ушли. Я не хотела, чтобы им попался кто-нибудь из наших. Правда, наверх кроме меня почти никто не ходит. Это вроде как против правил. Если бы морпехи бункера узнали, что одиннадцатилетняя девочка посмела сунуться наверх, они бы страшно рассердились. Я прикусила губу и набрала на клавиатуре сообщение, которое появится на всех экранах Северного бункера. «Стая дейнонихов у входа С. 7:01 утра. Анонимный пользователь». Собственный код у меня тоже был, но, если бы я им воспользовалась, это вызвало бы слишком много вопросов, на которые мне совсем не хотелось отвечать.

Я посмотрела туда, где под потолком висела камера наблюдения, одна на весь туннель. Она не работала вот уже два дня и одиннадцать часов. Сломать ее вовсе не так трудно, как кажется. Хотя, конечно, удивительно, что ее до сих пор не починили. Я думала, что сегодня с утра ее придется сломать снова. Что-то охрана всюду не поспевает, сколько ей ни присылают новых сотрудников для укрепления туннелей.

Я сползла спиной по стене и сделала глубокий вдох, заново привыкая к безвкусному фильтрованному воздуху бункера. Мне всегда казалось, что после удачного путешествия наверх чувства притупляются, становятся глуше. Просто цвета в туннелях неяркие, запахи — смазанные, звуки — нечеткие. Нет, я не жаловалась. Наверху было очень красиво, но бункер дарил людям то, чего не смогли бы подарить никакие леса и поля: безопасность.

Я вытащила из кармана сканирующее устройство и добрую секунду смотрела на него, гадая, какую информацию мне удалось раздобыть на сей раз. Наверное, опять пустышка, предупредила я себя. Все те же привычные сообщения о графике поставок и ужесточении правил. Однако упрямый внутренний голосок не терял надежды и твердил, что может быть, ну вдруг, на этот раз мне удалось добыть информацию о папе. Я открыла сумку и запихнула сканер под подкладку, чтобы не было видно. Пока сойдет, а потом спрячу получше. Даже мысль о том, что я снова опоздаю на урок, не слишком меня тревожила — ведь я добыла информацию. И сейчас, после того как я едва не досталась на завтрак динозаврам, беспокоиться об уроках я просто не могла.

Решив, что так и так опаздываю, я пошарила в рюкзаке и извлекла свою тетрадь. Руки ощутили знакомое прикосновение мягкой кожаной обложки. Я открыла тетрадь на странице, посвященной дейнониху. Посмотрела на грубый набросок динозавра, который все скребся и скребся в люк на потолке, и неодобрительно покачала головой. Найденный когда-то пыльный фолиант, в котором рассказывалось

о дейнонихах, явно содержал в себе кучу ошибок. К примеру, задний коготь у динозавра был значительно длиннее, чем у меня на рисунке, а уж бегали дейнонихи, как выяснилось, гораздо быстрее, чем я думала. Я быстро набросала изображение когтя и записала пару вещей, которые успела заметить, пока удираала, спасая свою жизнь. Удовлетворившись результатом, я отложила тетрадь, решив доработать изображение в следующий раз. Хоть камера в этом туннеле и не работала, мне все равно было не по себе всякий раз, когда я извлекала тетрадь на свет. Тетрадь тоже была вроде как против правил.

Застегивая рюкзак, я заметила, что пальцы у меня все еще дрожат, и сердито стала их разминать. Да, я была в безопасности, но гулко стучащее сердце и взбудораженные нервы этого еще не осознали. Бег наперегонки с динозаврами — лучшее средство проснуться поутру, с кислой умешкой подумала я.

Папа часто рассказывал мне о жизни до динозавров и до начала проекта «Ковчег», но поверить в эти сказки было трудно. Разве можно вообразить себе, чтобы люди жили под солнцем, под небом, на свободе — то есть имели все то, чего, увы, так не хватало в нашем Северном бункере? Я снова посмотрела вверх и преисполнилась невольной благодарности к тем, кто снабдил бункер такой толстой бетонной крышей. Если бы не они, людей на земле уже не осталось бы. Если вдуматься, то солнце, небо и свобода — не такая уж великая цена за спасение человечества.

Сбоку чирикнул экран головизора, и я посмотрела на

него. Мое предупреждение было услышано. Слова дважды мигнули, и по экрану поползло сообщение. «В связи с поступившей информацией о появлении дейнонихов работы по укреплению сектора 24 откладываются. Напоминаем, что в Северном бункере запрещено использование анонимных аккаунтов». Я закатила глаза. Власти уже раз сто запрещали анонимов, и все без толку. Впрочем, приятно было знать, что никто не полезет из-под земли наружу. Наши морпехи периодически поднимались наверх, чтобы убедиться в целостности укреплений, но часто не возвращались назад. Не помогали даже станнеры. Быть может, сегодня мой анонимный аккаунт спас кому-то жизнь.

Коготь дейнониха проскрежетал по металлическому люку, отделявшему мир динозавров от нашего. Я зажала уши. Динозавры все никак не могли смириться с пропажей завтрака — грызли металл и ревели в бешенстве. В миллионный раз я пожалела, что нельзя скормить тварям тех идиотов, которые вновь вызвали динозавров к жизни. А впрочем, для людей, которые своими действиями едва не уничтожили все человечество, это было бы слишком гуманным наказанием. Даже если бы их разорвали на миллион кусочков.

От входа пора было убираться, того и гляди явится кто-нибудь проверять, что там с динозаврами. Вставая, я поймала взглядом собственное отражение в блестящей поверхности экрана. По лицу тек пот, серые глаза смотрели диковато, а курчавые рыжие волосы выбились из-под стягивавшей их резинки. Запихивая их обратно, я вспомнила, как папа становился сзади и с чрезвычайно растерянным видом пытался призвать мои волосы к порядку. В такие моменты оба мы, наверное, думали о маме, которая умерла, рожая меня, и о том, что уж она бы научила меня аккуратно причесываться. Правда, папа тоже справлялся неплохо, но потом он исчез, а сама я делать прическу так и не научилась. Я подсунула выпавшие пряди под резинку. Сойдет. А сейчас надо бежать.

Петляя по бетонному лабиринту Северного бункера, я чувствовала, как пол туннеля мало-помалу уходит вниз. Из всех четырех бункеров Соединенных Штатов наш был самым маленьким. Иногда я этому радовалась, но чаще — нет. Нас было так мало, что я знала всех жителей бункера, а все они знали меня. И все бы ничего, вот только они меня терпеть не могли, все до единого.

Я подумывала подать прошение о добровольном переводе в Восточный или в Западный бункер, но так и не решилась. Где-то здесь был спрятан ключ к исчезновению отца. Значит, я никуда отсюда не уйду. Я повернула за угол и побежала мимо бесчисленных дверей в стенах, привычно не обращая на них внимания. Все равно в комнатах сейчас пусто. Все ушли на работу, ведь кто не явится к семи пятнадцати, получит штраф за опоздание. При мысли об этом я ускорила шаг. Руки покрылись гусиной кожей — чем дальше вниз я уходила, тем холоднее становилось, а рукотворные стены из бетона то и дело сменялись природным камнем.

Северный бункер, как и остальные три, был выстроен на случай ядерной войны или чего-то в этом роде. Примерно двести лет назад инженеры стали придумывать, как обустроить заброшенный лабиринт ходов, чтобы превратить его в подземный город, где люди могли бы прожить много месяцев, а то и лет. Инженеры знать не знали, что их творение спасет людей, но не от ядерного апокалипсиса, а от чудовищ, которые вымерли за тысячи лет до того. Мне всегда было интересно: а если бы они это знали, то построили бы бункер так же или по-другому?

Через пять минут жилой сектор остался позади, и я оказалась в главной сети туннелей. Здесь царил жизнь: мужчины и женщины в таких же застиранных серых комбинезонах, как мой, бежали туда и сюда по туннелям, спеша занять свои рабочие места. Я пробиралась сквозь толпу, стараясь не смотреть никому в глаза. За пять лет неприязненное отношение ко мне в целом поутихло, однако до конца не исчезло. Я изо всех сил старалась не попадать в сферу внимания других жителей бункера, а они взамен не отвлекались на то, чтобы смерить меня уничижительным взглядом. Система была далека от идеальной, но в целом работала.

Пробившись сквозь толпу, я запрыгала вниз по туннелю, туда, где располагался школьный сектор и моя собственная комната. Сворачивая в последний раз, я услышала приглушенное всхлипывание, которое мгновенно заставило меня собраться. Что, опять? Со стоном я развернулась и пошла назад по туннелю. У третьей кладовки остановилась, отодвинула щеколду, открыла дверь и щелкнула выключателем.

Шеймус сидел в углу вырубленной в камне каморки, между двумя пирамидами сломанных парт. Так я и знала. Его голубые глаза жалобно заморгали, и я вздохнула. Шеймусу было пять лет, и он был таким же изгоем, как и я. Его отец ведал распределением ресурсов, и жители бункера ненавидели его, как никого другого. Кто обрадуется урезанному рациону? К сожалению, дети в детсадовской группе, куда ходил Шеймус, усвоили отношение своих родителей. Уж я-то знала, каково ему приходится.

— Что, опять Тоби? — спросила я, вытирая большим пальцем слезу с замурзанной детской щеки.

Шеймус кивнул и вытер сопливый нос рукавом.

— Он... он меня толкнул и отобрал талон на завтрак. И я поцарапал коленку. Видишь? — И малыш, тут же позабыв о слезах, гордо продемонстрировал мне маленькую царапину.

Талоны на завтрак выдавались каждой семье централизованно и составляли часть еженедельного содержания, которого человек мог немедленно лишиться, если терял работу или работал плохо. И люди каждый день покорно являлись на работу, зная, что в противном случае их детям придется голодать. Жесткая, но справедливая система. Впрочем, такова была вся наша жизнь. Я нахмурилась. Система системой, а Шеймуса все равно дразнили и обижали. Родители Тоби не желали напрягаться, зарабатывая для сына талоны на завтрак, и плевать хотели на то, что Тоби отбирает талоны у Шеймуса.

— Тебе надо уметь постоять за себя, — мягко сказала я, поднимая Шеймуса на ноги и отряхивая его комбинезон. Малыш вытер глаза и смотрел недоверчиво. — Ты же знаешь, что он просто голодный, вот и отбирает талоны, да? — Я вздохнула. — Ладно, пошли. Отведу тебя в класс.

Шеймус трусил рядом, крепко сжимая горячей ладошкой мою руку, и я ощутила укол вины. Если бы меня сегодня утром сожрали, кто бы выпустил Шеймуса из кладовки для метел?

Я постучалась в класс «А» и услышала в ответ недо-

вольный голос учительницы подготовишек, мисс Шапиро. Широко и фальшиво улыбаясь, я подтолкнула вперед Шеймуса.

— Простите, что он опоздал. Это я виновата.

Мисс Шапиро гневно фыркнула и с треском захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Как мило.

Две минуты спустя я легко и бесшумно проскользнула в дверь своего класса и юркнула за парту, не поднимая глаз и надеясь, что профессор Ллойд не заметит меня, если я не буду на него смотреть. Я извлекла из рюкзака портскрин, положила его перед собой на парту и наконец осмелилась поднять взгляд. К счастью, профессор стоял спиной к классу — царапал на доске план урока.

— Неплохо, — шепнул сбоку знакомый голос.

Я скосила глаза и увидела улыбку Шона Рейли, который сидел через проход. Я закатила глаза и мельком улыбнулась в ответ.

— Шеймус, — пояснила я одними губами и включила экран. Он засветился голубым, потом зеленым.

Шон исподтишка показал три пальца, безмолвно спрашивая, в который раз в этом месяце мне пришлось выручать Шеймуса — в третий?

Я покачала головой и показала четыре. Он кивнул. Динамик системы оповещения зашипел, затрещал, и мы умолкли, приготовившись выслушать объявления на сегодня.

— Доброе утро! — пролаял из динамика главный морпех, генерал Рон Кеннеди.

Я презрительно сморщила нос. В каждом бункере было

расквартировано по десять морпехов, в задачи которых входило поддержание порядка и обеспечение кратких вылазок на поверхность, в основном с целью укрепления туннелей. Пехотинцы были глазами и ушами Ноя и докладывали ему обо всех неурядицах, которые случались в бункере. Ну а генерал Кеннеди был самым противным из всей десятки.

— Сегодня понедельник, первое сентября. День номер 54 351 по времени Северного бункера, — продолжал Кеннеди. — Прошу всех встать для принесения присяги.

Все как один встали и повернулись к стоящему в углу класса черному флагу с золотым ковчегом — символом Ноя.

— Клянемся в преданности делу выживания рода человеческого, — начали мы хором. — Благодарим Ноя, который спас нас от вымирания. Да будет народ под землей един и неразделим, да пребудет равенство и жизнь для всех.

Мы сели.

— В связи с продолжением работ по ремонту туннелей, — снова заговорил генерал Кеннеди, — просим вас воздержаться от посещения южных туннелей в секции 29-34, за исключением тех случаев, когда это абсолютно необходимо. Сегодня пришла почта, — произнес он и сделал паузу, как будто мог слышать радостное бормотание, которым была встречена эта новость. Почту из одного бункера в другие доставляли всего четырежды в год, а то и реже, поскольку небо безраздельно принадлежало летающим динозаврам. Правда, я была почти уверена, что летающие и плавающие гады динозаврами не считаются, — было у нас что-то такое на уроке естествознания, где говорилось, что таких зверюг

следует отнести к летающим и плавающим рептилиям, но разница, честно говоря, была невелика. — Как обычно, почта будет доставлена после досмотра и сортировки. Благодарим вас за терпение. Мы работаем ради безопасности всех жителей Северного бункера.

Я подняла глаза и встретила подозрительный взгляд синих глаз Шона. Друг смотрел на меня, наморщив лоб.

Я постаралась выглядеть как можно спокойнее, как будто мое опоздание не имело никакого отношения к прибытию почты. Но лгать я никогда не умела.

— Ты не только из-за Шеймуса задержалась, — шепнула Шон и обвиняюще наставил на меня палец. — Ты снова бегала на почтовую площадку.

— Ш-ш-ш, — оборвала его я. Генерал Кеннеди твердил что-то об общем собрании, которое должно было состояться на этой неделе.

— Ты могла погибнуть, — нахмурился Шон. — И все из-за каких-то дурацких догадок.

— Но не погибла же, — тихо возразила я; все еще мокрые от пота пряди свисали по щекам. Почему мой лучший друг такой болтун? — И я не гадаю, а знаю.

Шон поднял бровь.

— Ладно, — признала я, — гадаю.

И все же об исчезновении главного ученого бункера молчали много лет, и, возможно, в какой-то момент истина выплывет наружу, упрямо подумала я. Разве поймет Шон, как мне необходимо выяснить, что стало с папой? Наверное, потерять отца — все равно что потерять руку или ногу:

все время чувствуешь, что чего-то не хватает, все время мучает какая-то застарелая боль, которая никак не проходит.

— Прошло почти пять лет, — заметил Шон. — Вряд ли ты что-то теперь выяснишь.

— То есть ты не хочешь узнать, какую я добыла информацию? — поинтересовалась я как можно безразличнее.

— Я этого не говорил, — спохватился он, и я улыбнулась, потому что победа осталась за мной. — Могла бы предупредить, когда полезешь наверх. Я бы хоть похоронную команду за тобой отправил, если бы ты не вернулась, — проворчал Шон.

Я скорчила ему рожу. Шутка про похоронную команду ходила давно. В Северном бункере не было никакой похоронной команды просто потому, что после встречи с теми, кто наверху, хоронить бывало нечего. Треск в динамике возвестил о том, что трансляция закончена, и я вновь сосредоточилась на классной доске.

— Мисс Мунди! — произнес профессор Ллойд, и я подпрыгнула. — Единственным извинением вашему опозданию может быть только то, что вы потратили это время на подготовку к литературному анализу, которым мы сегодня займемся. Встаньте, пожалуйста, — произнес он, не отрывая взгляда от портскрина.

— Да чтоб тебе! — прошептал Шон.

— И вы встаньте, мистер Рейли, — велел профессор Ллойд.

Кто-то хихикнул, и я, покраснев, встала. Шон пробормотал что-то неразборчивое, но тоже встал.

— Итак, мисс Мунди, — продолжал профессор Ллойд, глядя в экран перед собой, — не могли бы вы изложить перед классом, какие схожие мотивы наблюдаются в классической книге древности «Парк юрского периода» за авторством Майкла Крайтона и событиями из реальной истории человечества?

— Мотивы? — переспросила я слотнув. Книгу, о которой шла речь, я дочитала накануне вечером и знала ответ, но ужасно не любила выступать на людях. Лучше уж встреча лицом к лицу со стаей дейнонихов. Эх, ну что я за человек такой.

— Да, — подтвердил профессор Ллойд с ноткой раздражения в голосе. — И попрошу побыстрее. Мы тратим время, которое ваши одноклассники с превеликой охотой употребили бы на проведение анализа своими силами.

— Ну, — сказала я, глядя в парту, — в книге Крайтона динозавров тоже клонировали заново.

Я подняла взгляд. Профессор Ллойд смотрел на меня цепким взглядом. Ему этого мало. Я сжала вспотевшие ладони в кулаки и бросилась вперед.

— В книге ученые использовали ДНК динозавра, и настоящие ученые сто пятьдесят лет назад сделали то же самое. И нашим предкам динозавры сначала очень понравились, тоже как в книге. И когда они овладели всеми необходимыми технологиями, то начали возрождать все виды, какие только были им известны.

— Спасибо, мисс Мунди, — сказал профессор Ллойд и повернулся к Шону, который во время моего рассказа по-

дусидел на краю парты, воплощая собой олицетворенную скуку. Профессор Ллойд заметил это и нахмурился. — А вы, мистер Рейли, будьте любезны рассказать, в чем разница между воображаемым миром в книге Крайтона и нашим собственным.

— С удовольствием, — широко улыбнулся ему Шон. — Ну, во-первых, разница в размерах динозавров, да? Наши прямо гигантские. Раза в два больше, чем те, про которых писал этот ваш Крайтон.

— Совершенно верно, — произнес профессор Ллойд, обращаясь ко всему классу. — Как нам только что красноречиво поведал мистер Рейли, этот наш Крайтон в своем творчестве ориентировался на кости, выставленные в музеях, и на иллюстрации в книгах по биологии, которые использовались в старом мире. Однако Крайтон не учел того, насколько сильно изменился наш мир по сравнению с исходным, в котором обитали динозавры. Химические удобрения, более мягкий климат, напичканный стероидами скот — все это помогло динозаврам вырасти значительно крупнее своих древних предков.

— Это еще мягко сказано, — заметил Шон, и класс захихикал.

Я не смеялась. Память о чересчур близком знакомстве со стаей дейнонихов все еще была свежа. Дейнонихи были огромными, и все же далеко не самыми крупными из динозавров. Территория вокруг входов в бункер была расчищена, а дальше шел довольно густой лес, поэтому действительно крупные динозавры подобраться к нам не могли.

— Хотите что-нибудь добавить, мистер Рейли? — спросил профессор Ллойд, и в голосе у него снова промелькнуло раздражение.

— Ага, — ответил Шон. — Эти, в книге, не держали динозавров у себя дома, на фермах, в зоопарках или в заповедниках, как наши предки до пандемии. В книге их всех загнали на остров, ну, этот, где парк для развлечений.

— Почему вы считаете, что это важно? — подсказал профессор Ллойд.

Шон закатил глаза.

— Потому что, когда по миру прокатилась динозавровая пандемия и 99,9 процента человечества было уничтожено, динозавры легко захватили всю землю. Именно поэтому мы живем в бункере под землей, а они — там, наверну. — Шон показал на потолок.

— Пока что, — поправил профессор Ллойд. — Почтенный Ной заверил нас, что мы переедем вверх, как только будет решена проблема динозавров.

— Сто пятьдесят лет уже заверяют, — проворчала я совсем тихо, так, чтобы услышал только Шон. Он быстро мне улыбнулся. Планов по переселению человечества на поверхность существовало множество, от невероятно сложных до откровенно глупых, но всякий раз, когда возникал новый план, выяснялось, что динозавры слишком опасны, поэтому и пытаться не стоит.

— Итак, подытожим, — сказал профессор Ллойд, жестом велев нам садиться. — Сто пятьдесят лет назад ученые не знали, что, возродив динозавров, они возродили вирусы

и бактерии, которые погибли вместе с ящерами. С историей опустошительной динозавровой пандемии вы знакомы, поэтому я не стану развивать тему, дабы вам хватило времени на завершение литературного анализа. Оригинальный текст сейчас появится у вас на портскринах.

Я поглядела на портскрин, где высветился текст литературного анализа. Профессор Ллойд был прав: все мы знали, что принесла с собой динозавровая пандемия; с ее последствиями мы имели дело каждый день. Я попыталась вообразить, как люди жили раньше. Как радовались, когда ученые каждый день возрождали все новые виды динозавров. Новый век динозавров казался им таким замечательным достижением для всего человечества. Как же они, должно быть, были поражены, когда миру вокруг них пришел такой ужасный и быстрый конец.

Динозавровая пандемия, в отличие от других болезней, не церемонилась и убивала жертву даже не в считанные дни, а в считанные часы. Она распространялась со скоростью света, не разбирая ни расы, ни возраста, ни пола. Можно ли вообразить горечь и потрясение тех немногих счастливиц, кто выжил благодаря случайному иммунитету к болезни, которая должна была исчезнуть миллионы лет назад? Должно быть, им казалось, что настал конец света. А ведь в некотором роде так оно и было.

Одна за другой погружались во тьму страны, умолкали новостные станции, наступившая паника сокрушила последние системы связи. Интересно, вдруг какой-нибудь стране повезло больше, чем Соединенным Штатам? Есть ли

подземные бункеры в Париже? в Лондоне? в Африке? Что, если в тысячах километров отсюда сбившиеся в кучку люди думают, что они последние из выживших, в точности как думаем мы? Я надеялась, что эти люди существуют, но меня терзали сомнения.

Соединенным Штатам повезло: мы не вымерли. Когда исчезли закон и право, появился человек, который возглавил немногочисленных выживших. Он назвался Ноем в честь библейского персонажа, который построил большую лодку под названием ковчег и спас людей от потопа. Ной вел выжившим прятаться в четыре подземных ядерных бомбоубежища на территории Соединенных Штатов. И вот мы ушли, а динозавры, которым ничто больше не мешало, быстро захватили мир, который некогда принадлежал им, и отвоевать его обратно нам уже не под силу.

Я положила на экран свой экземпляр «Парка юрского периода» и принялась листать страницы в поисках подходящей цитаты для анализа. Книга Крайтона мне совсем не понравилась, а писать о ней было даже еще хуже. Когда я читала, как он описывает жизнь наверху, меня снедала жгучая зависть. Когда колоссальный просчет одного поколения рушит жизнь всех последующих — это нечестно.